

Наталья Цвакина

Фрагменты
из жизни
генерала
милиции

Наталья Ивакина

**Фрагменты из жизни
генерала милиции**

«Автор»

2024

Ивакина Н. Е.

Фрагменты из жизни генерала милиции / Н. Е. Ивакина —
«Автор», 2024

Эта книга о некоторых моментах биографии генерал-майора милиции Юрия Владимировича Ивакина, начиная с юных лет и заканчивая службой в только что образовавшейся Луганской Народной Республике. Здесь открыто и без фальши рассказывается о том, как молодой шахтер поступил на службу в милицию, его отношениях с коллегами и подчиненными, раскрытии самых ярких уголовных дел.

© Ивакина Н. Е., 2024

© Автор, 2024

Наталья Ивакина

Фрагменты из жизни генерала милиции

I

Площадь перед отделом милиции города Краснодона знавала времена и получше. При Союзе по выходным здесь часто собирался народ: выступал оркестр, награждали отличившихся сотрудников, шумно отмечали праздники, а порой и провожали лучших людей в последний путь. Сейчас на площади толпились тысячи злых и беспомощных людей. Большей частью, конечно же, это были шахтеры. Пришли и женщины с детьми, на задних рядах – местные старики и старухи.

От возможного штурма людей останавливали четверо сотрудников с автоматами в руках, стоявшие на крыльце отдела. У них был четкий приказ: в случае прорыва открыть сначала предупредительный огонь в воздух, а потом... Про «потом» им никто ничего не сказал – даже представлять не хотелось.

– Или вы сейчас снимаете оцепление с банка и мясокомбината, или будем брать штурмом! И отдел ваш в том числе! – заявил седой мужик лет шестидесяти. Он здесь был за главного, хотя слышали лидера едва ли первые три ряда толпы.

Галерка, зная, что там, впереди, свои, что они ерунды не скажут, поскольку горой стоят за всех, громко поддерживала, когда в «партере» нарастал одобрителный гул.

Мужик повернулся лицом к фасаду здания и закричал в сторону второго этажа, где было приоткрыто окно:

– Давай сюда начальника! По-мужски говорить будем!

К тому времени краснодонские шахтеры не получали зарплату уже семь месяцев. И депутаты к ним из Киева приезжали, и министры с заместителями, и профессора всякие. В Молодогвардейске из «Линкольников» пересаживались в «Таврии», надевали ватники и шапки-ушанки, чтобы не вызывать вопросов, и шли в народ. Говорили, обещали, но на самом деле лишь тянули время. Уезжали освистанные, порой даже спасались бегством.

Но работяги всё равно терпеливо верили всем елейным речам, выкручивались как могли. А сегодня вспыхнуло: обезумевший от нищеты и тяжелейшего труда шахтер Николишин с утра и с дикого самогонного похмелья загубил жену и сам расстался с жизнью. Никаких записок не оставил, да оно и не требовалось. Ровно на той же грани находилась большая часть местных мужиков. Всего за последние полгода в Краснодоне зафиксировали семьдесят самоубийств.

Весть о случившемся разнеслась по окрестностям уже к полудню. И когда добралась на глубину восемьсот метров, именно там – во тьме и угольной пыли – как искра, родилась мысль: пойти и взять свое. От забоя к забою, от шахты к шахте эта искра разгоралась всё ярче. И когда дневные смены кончились, абсолютно все, кто поднялся наверх, отправились на ту самую площадь – к зданию милиции. В это же время, узнав о майдане, со всех уголков поселка стекались туда и простые жители. Никакого общего руководства у этой пролетарской ненависти сперва не было – галдели, возмущались, что-то кричали, вздымая кулаки над головами. Так прошло около часа, пока между толпой и милиционерами не встал тот самый седой мужик.

Это был Игнатич, уважаемый всеми шахтер, отдавший работе и свои годы, и свое здоровье. Дома у него лежала парализованная жена. Чтобы хоть как-то вдвоем прокормиться, за последние полгода Игнатич распродал всё, что в доме можно было продать. Специально для этого по выходным ездил в Луганск, потому что в самом Краснодоне таких продавцов было на каждом углу.

Игнатич крикнул:

– Нам всё это уже вот здесь! – И показал двумя пальцами вилы у горла. Затем обернулся и озвучил свой и общий ультиматум.

Разговоры о том, чтобы в прямом смысле разграбить банк, шли последние пару месяцев. То же самое обсуждали и про мясокомбинат, на котором официально, кроме синих куриных лап, давно ничего не было. Но молва разносила по городу слух, что есть там всё же опечатанные морозилки, доверху забитые мясом для партработников и начальства разного уровня.

О том, что революционные мысли бродят по Краснодону, в милиции, конечно же, знали. Ее начальник – недавно назначенный сюда Юрий Владимирович Ивакин – с первого дня службы на новом месте лично организовал незаметное для глаза обывателя наблюдение за общественными настроениями. Благо тогда в городе его особо никто не знал. Да и в форме он эту работу, разумеется, не вел. Там на рынке послушал, здесь в пивной в уголке постоял – вот тебе и картина дня.

Сейчас со второго этажа в приоткрытое окно Ивакин наблюдал за толпой. Он цепко следил за тем самым общественным настроением, понимая, что на входе – его подчиненные с полными рожками автоматов. Главное сейчас – не допустить прямого столкновения. Что хочешь обещаешь, как хочешь задабривай, лишь бы все, кто собрался под окнами, мирно разошлись по домам. А после уже нужно будет что-то решать.

Выход на первый план Игнатича его не удивил, а скорее еще раз заставил поверить своему чутью. Именно в этом человеке Ивакин еще пару недель назад увидел возможного лидера протеста, когда слушал, о чем подвыпившие шахтеры говорили у подъезда. А судачили они как раз, что мочи нет терпеть, что долгов уже столько – за пять лет не расплатиться, что есть в забое мужик уважаемый – Игнатичем зовут – который давно говорит: надо брать всё в свои руки. После этого начальник милиции по разным каналам Игнатича «пробил» и понял: если что начнется, тот выйдет на сцену первым номером в этой партии.

«Это хорошо, что ты вызвался, – подумал Ивакин. – Теперь, когда они сами готовы на разговор, есть шанс всё урегулировать мирно».

– Товарищ подполковник, вы куда собрались? – один из лейтенантов обратился к начальнику, когда увидел, как тот надевает китель.

– А что, ты пойдешь их успокаивать? «Будьте наготове», – спокойно сказал Ивакин, вышел из кабинета и пошел по лестнице.

Перед тем как открыть дверь на улицу, постоял секунд десять, громко выдохнул и вышел к толпе. Галдеж резко прекратился, в полной тишине на него уставились несколько тысяч пар глаз.

– Вы совсем все тут ополоумели? Вы кого собрались штурмом брать?? Я без комплиментов сейчас с вами буду говорить! И в выражениях стесняться не собираюсь! Поймете, пойдете на диалог – хорошо. Нет – пеняйте на себя. Парни мои с оружием рядом и, если что, готовы открыть огонь. Игнатич, ты здесь за главного, буду обращаться к тебе громко и четко. Кто там на задних рядах не услышит, передашь. Меня зовут Юрий Владимирович Ивакин. Поставлен в Краснодар начальником городской милиции. Про себя коротко скажу. Имею награду «Шахтерской славы» третьей степени, мой отец погиб в шахте. Мать отработала под землей половину своей жизни, здоровье там оставила. Я знаю, что такое пыль глотать. Знаю, как это – жить без денег и на последние или в долг собирать ребенка в школу. Знаю, как одну картошку жрать неделями, потому что ничего другого нет. Вы меня штурмом собрались брать? Вот он я – берите. Или Гену Петрова позвать, сотрудника моего? У него брат в шахте погиб. Нина Сидорова, следователь. Позвать ее? У нее отец и брат в шахте погибли. Их брать будете? Да,

были у нас – шахтеров – хорошие времена, когда зарплаты в карман не влезали. Но сейчас вот так. И не только в Краснодоне. Так по всей стране. Всю страну будете брать?

Через две недели в Краснодоне был праздник. В Новосветловском поселковом Доме культуры людям выдавали заработную плату за семь месяцев.

– Юрий Владимирович, мы тут подумали... Хотим, чтобы вы стали генеральным директором нашего объединения «Краснодонуголь», – каждый, выходявший из здания, сиял и обязательно подходил к начальнику милиции.

– Не-не, ребята, я не по этой части. У меня своей работы по горло.

В том, что шахтерам выплатили задолженность по зарплате, была немаловажная роль начальника милиции, который вместе с министром угольной промышленности Тулубом Сергеем Борисовичем поехал в Киев на прием к премьер-министру Украины Дурдинцу. Там они рассказали об обстановке по угольному региону Краснодона. Премьер-министр сказал, что изыщет средства для выплат.

В Министерстве Внутренних дел Украины были очень недовольны, что в ситуацию вмешался начальник милиции без согласования действий с руководством ведомства. Через неделю раздался звонок от начальника УВД Луганской области с возмущением. В короткие сроки была назначена выездная коллегия Министерства МВД с присутствием министра МВД по обстановке в угольном регионе. Одним из вопросов стало обсуждение неправомерных действий Ивакина. Собираясь на коллегию, Юрий Владимирович думал, что уже не вернется в Краснодон в качестве начальника милиции. Но после доклада перед членами коллегии и объяснения причин своих действий, Ивакин получил звание полковника досрочно. Руководство оценило действия милиции Краснодона.

II

Юрка Ивакин родился на Луганщине – в небольшом городке Перевальске рядом с Алчевском. Третий – самый младший – сын в шахтерской семье. Ни о какой милиции в детстве и не помышлял. Скорее мог оказаться по другую сторону. И оказывался не раз – задерживали будущего генерала за драки с такой регулярностью, что люди в форме на местных танцах сами просили: «Юра, давай без приключений сегодня. Ну сколько можно?».

Перевальск появился на карте еще во времена Российской империи как один из центров добычи угля. Земли те на рубеже веков уже были напичканы рудниками и шахтами. Соответственно, и местный люд, и приезжие – все были заняты понятным делом.

Деды Ивакина в Перевальске восстанавливали шахты после Великой Отечественной, отец и мать работали там же. Когда младшему исполнилось пять лет, переехали в тогда еще поселок Червонопартизанск – в ста километрах от прежнего места жительства – на строительство новой шахты «Красный партизан».

Поселок молодой, шахтерский, комсомольский. Всё в зелени, с красивым Домом культуры, парками и скверами. Девять из десяти мужчин работали в шахтах. Подпитывало мужское население крупное Горнопромышленное училище, куда осваивать профессии приезжали со всего Союза. Классический советский поселок, где при училище и стадион, и спортзал, и общежития.

Мама, как и отец, большую часть жизни проработала в шахте. Управляла вагонетками под загрузку и разгрузку угля. Уже много позже по состоянию здоровья ее, как тогда говорили, вывели на поверхность.

Юркины драки и хулиганство были делом настолько обычным, что очередному ЧП никто не удивлялся. Первые три класса он был круглым отличником, после скатился на одни двойки и тройки. Лишь география и история завораживали паренька: загадки прошлого и настоящего,

далекие страны и континенты. По ним школьник Ивакин мог даже учителям из областного центра мастер-класс преподавать. А всё остальное, особенно математика, было за пределами его интересов.

Ребята в школе Юрку уважали, а преподаватели всячески пытались отвлечь от дурных мыслей. Работу по хозяйству подкидывали постоянно – лишь бы делом был занят, всё равно путного из него ничего не выйдет. Классная руководительница отзывала его в сторону и шепотом говорила: «Юрочка, мы тебе твои тройки поставим, ты только не шуми, не хулигань. Хочешь, вообще не приходи».

Как-то зимой в выходной день попросился Ивакин с друзьями в школу. Холод на улице стоял собачий, а там светло и тепло. Завхоз школы Дементьевич всех записал в тетрадь и отправил в библиотеку: «Раз пришли, то хоть книги почитайте». Но цель у пацанов была другая. На чердаке макулатуры полно. Почему бы не организовать костерок и не погреться? В старом тазу развели огонь да не уследили. Половина крыши сгорела, а юные костровые еще долго наводили порядок и в школе, и на территории. Взять с родителей на ремонт было нечего – голытьба одна. А исключать из школы – на корню ребятам судьбу зарубить.

Летом были свои забавы: самопалы из рук не выпускали, а уж взрывчатки достать – даже придумывать не надо...

В тот день Юрка спал себе спокойно. И хотя на часах было только восемь утра, через занавеску уже припекало июльское солнце.

– Ты там долго будешь дрыхнуть? Пошли! Забыл? У нас же дело есть! – под окном в нетерпении уже кружили друзья, пытались докричаться.

Заспанный, он вдруг вспомнил о важном деле и подскочил на кровати. Натянул шорты, футболку, запрыгнул в потертые сандалии и выбежал на улицу.

– Идем, конечно! Могли и раньше разбудить! Как у нас – всё по плану? Сейчас, только в сарай заскочу.

Из сарая Юрка вышел с сумкой, до отказа набитой взрывчаткой для твердых пород, детонаторами и бикфордовыми шнурами. Всё это добро, не пригодившееся на шахтах, обычно выбрасывали на пустырях, а дети и подростки с радостью собирали. О безопасности и экологии никто из взрослых в те времена не думал.

Притоки реки Северский Донец сильно отличались по глубине. Рыбаки-взрыватели домчали до одного из них на мотороллере, достали из сумки всё, что нужно, собрали, подожгли шнур и бросили в воду.

– Ну, сейчас разживемся рыбкой, – мечтательно сказал один из товарищей.

– Я матери отдам – пусть нажарит. Только надо будет рыбе иголкой губы проколоть – типа, на удочку поймали, – ответил второй.

В этот момент бахнуло так, что мотороллер отлетел метров на пять, а с ближайшего дерева осыпалась вся листва. Пацаны завалились на спины. Все с ног до головы в комьях грязи. Оглушенные, с глазами, вытаращенными как у самой страшной рыбы на свете.

Это был последний раз, когда друзья чудачили со взрывчаткой. На каком-то из пустырей по пути домой Юрка опорожнил свою сумку.

III

На тот момент в Червонопартизанске было две спецкомендатуры, а это около четырехсот ранее судимых человек. Часть из них решила подмять под себя поселок, да не вышло. Пацаны от двенадцати и старше собрались и поставили зэков на место. Юрка – в свои четырнадцать лет – активно во всем участвовал, а потом хоть и выслушал от милиции целую лекцию про «нельзя», почувствовал в речах молодого лейтенанта скрытую благодарность: за доброе дело бились, поселок отстояли.

Окончив школу-восьмилетку, Юра Ивакин спокойно уведомил мать:

– Я работать пошел!

Старшие братья в армии, есть что-то надо. Учиться дальше? Смысл? Списавший практически на «пять» сочинение по литературе, он получил четверку с минусом. И то лишь потому, что списал без ошибок. Во вдруг открывшийся литературный талант, естественно, никто из учителей не поверил.

– Иди. – Мария Григорьевна отнеслась к решению младшего не то чтобы безразлично, скорее, с пониманием: другого варианта не было. После смерти мужа на шахте в одна тысяча девятьсот шестьдесят пятом году она тянула троих сыновей сама.

Спустя пару месяцев Мария Григорьевна услышала:

– Мам, я бочку принес – столитровку! Сам сделал! И зарплату. Немного – тридцать рублей, но на новый костюм хватит!

Про костюм Юра, конечно, пошутил.

– Годится! Только зачем поставил ее у порога? Я чуть не упала в потемках! Ты ел хоть что-нибудь? – мать только пришла с работы и в несколько фраз умудрилась уместить одобрение, критику и заботу.

Ученик бондаря на овощной базе усваивал науку легко. Специальность получил довольно быстро. Хотя как специальность – корочек да дипломов тогда никто не выдавал, просто знали, что, если кому бочку смастерить, есть вот такой набор бондарей в поселке. Юра в этом списке выделялся: не пил, в загулы не уходил, трудился на совесть, несмотря на свои четырнадцать лет. А через два года стал уже почти мужчиной. Точно так же уверенно сказал матери, что уходит из бондарей в грузчики на местную техбазу.

Зарплата была выше, работа – тяжелее, но не героическая. В перерывах Ивакин болтал с мужиками о жизни. Петр Васильевич лет пятидесяти, был у них за старшего. Он знал отца Юрки, а потому особенно тепло общался с Ивакиным, всегда помогал советом и добрым словом, настраивал, направлял.

– Ты вот, Юрка, парень смысленый, крепкий. Один ход тебе – на шахту. Там рекорды поставишь, заметят, отметят, похвалят да двинут куда повыше. Может, до директора какого дорастешь.

За полгода работы Юрка еще больше заматерел – и тренажеров не надо было. Подсох, плечи раздались, ростом Бог не обидел – первый парень на деревне. По выходным – обязательные драки с местными да приезжими. Последних в Червонопартизанске было много благодаря всё тому же училищу.

С милицией у него не складывалось совсем. Что ни суббота-воскресенье – подросток там. Мария Григорьевна, в очередной раз забирая сына из отделения, на коленях умоляла остановиться. Ничего не помогало.

– Куда собрался опять? – строго спрашивала она в субботу вечером.

– На танцы пойду, пройдусь, – беспечно отвечал сын.

– Не пустят же тебя, дурака. Опять идти за тебя поручаться, а мне не верит никто, да и тебе не верят. Забыл, что в последний раз было?

За неделю до этого Юрка пришел на танцы в местный Дом культуры. Еще и шагу внутрь не ступил, милиционеры втроем его окружили.

– Гражданин подросток Ивакин, шел бы ты отсюда. По-хорошему просим. Сам ведь знаешь, чем закончится.

– А чем? – дерзнул он. – Какое право имеете не пускать?

Но развернулся, ушел. Обогнул здание с правой стороны и полез в окно первого этажа. Стоял в полумраке у открытого окна, наполовину скрываясь за длинной шторой, и наблюдал: вон свои пацаны кучкуются, вон приезжие. Вроде спокойно всё. Обходивший по периметру зал дружинник заметил его и подошел.

- Тебя же выгнали, Юрец, я сам видел!
- Меня в дверь, а я в окно, – с гордостью ответил Юрка.
- Доложить придется. Велено не пускать тебя больше!
- Я тебе доложу!
- А что ты мне сделаешь?

Дружинник напомнил о своем положении демонстрацией красной повязки на руке. И буквально через пару секунд вылетел в то самое открытое окно. Пока очухался, чтобы сообщить стоявшим на входе милиционерам о случившемся, драка уже началась: Юрка пошел к своим, задел плечом работягу из Одессы – и понеслась.

Спустя неделю, несмотря на запреты матери, он опять собрался на танцы. Но уже с конкретным планом: отловить нового рабочего шахты «Красный Партизан», который держал в страхе всё 34-е общежитие. Еще и местного парня избил. Да не один, вчетвером.

– Юр, помогай. Подошли в скверике и стали избивать, – за час до этого прибежал парнишка. Губы и бровь разбита, рубаха в крови вся. Как тут не помочь? Не в милицию же идти.

Противника прозвали Спартаком. Высокий, крепкий, жилистый. Мужественная ямка на подбородке. Юрка пробрался в танцевальный зал и сразу в центре увидел Спартака.

- Один на один. Прямо здесь. Ссышь? – вызвал его на кулачную дуэль.

Спартак приглашение принял и уже минуты через три капитулировал – лежал с разбитым лицом на танцполе и тяжело дышал...

Наутро Петр Васильевич искал подопечного минут двадцать, а тот забрался в самый прохладный угол склада и отдыхал – до новой разгрузки было еще полчаса, а на улице сильно пекло.

- Слышь, Юрок, ты чего без дела слоняешься? Иди осваивай автопогрузчик.
- Чего? Какой автопогрузчик? Нам же скоро работать!

– Вот и будешь работать, но иначе. Водила опять запил. И, похоже, надолго. Увольнять его собрались, а мы простаиваем. Решили из тебя замену сделать. Вставай давай, мало времени!

Следующие полтора года были сказкой. Работа непыльная, знай себе катайся туда-сюда. Зарплата под сто восемьдесят рублей поначалу кружила голову, но мать быстро поставила Юрку на место.

– Ты можешь куражиться ходить, деньгами кидаться направо-налево, но поутру удовольствия не будет. Голова больная, морда в синяках от драк постоянных – весь итог. Деньги трать так, чтобы проснулся с утра, еще глаза не открыл, и первая мысль – правильно всё вчера сделал. А что правильно – решай сам. Одним – корову купить, другим – водку. Третьи копят, кто на дом, кто на машину. Мотоцикл тоже выбор. Но если купишь, не убейся, прошу тебя!

Все материнские увещевания были всегда одинаково глубоки. Умела Мария Григорьевна так сказать, чтобы и застыдить, и приободрить, и навести на правильные мысли. Хотя и подзатыльники сын получал до самой армии.

Тогда Юрка, конечно же, не сильно ее слушал. Но расстроить боялся. После гибели отца именно мама помогла им не загнуться.

Тринадцатого августа тысяча девятьсот семьдесят второго года – в жаркое, но пасмурное воскресенье – Юре Ивакину исполнилось восемнадцать лет. Лежал в кровати и думал: «Праздновать совсем не хочу, хоть и придется. Друзья не дадут замылить. Скорей бы понедельник – прийти на техбазу, забрать документы, поставить втихушку мужикам водки, пива, рыбы, и привет – к новым горизонтам. Подземным, темным, холодным и зачастую опасным».

Он точно решил: пока не призовут в армию, будет работать в шахте. Благо в округе их было восемь штук – выбирай любую.

– Пошелкали всех наших, а сами два дня скукоту гоняли! Слушал? – Петр Васильевич был всегда в курсе футбольных новостей.

В прошедшие выходные московские «Спартак» и «Торпедо» играли финал Кубка СССР. Начальник точно помнил весь путь этих команд по турнирной сетке. И что красно-белые в полуфинале не заметили Львов, и что черно-белые прошли по «Днепру».

– Вот ты мне скажи, Юрок, как так-то? Кстати, чего целую сумку принес?

Юрка футболом интересовался постольку-поскольку. Всегда любил борьбу и бокс, они для него были честнее массовой погони за мячиком. Ими занялся еще в пятнадцать лет в спортклубе при Горнопромышленном училище.

– Да ну их, этих футболистов. Принес вот что, – и приоткрыл сумку. – Только не ругайся, Петр Васильевич, это мужикам всем. Увольняюсь я. Да и день рождения вчера случился. Посидите, отметите без меня, а я в шахту.

– Какую хоть?

– Первая Одесская...

IV

Юрка проработал мастером связи в шахте меньше трех месяцев: пятого ноября домой пришла повестка из Свердловского военкомата. Провожали призывника Ивакина и еще четверых рабочих торжественно. Подарили цветастый китайский термос со стеклянной колбой и деревянной пробкой. Мария Григорьевна этот термос берегла потом лет двадцать и часто пользовалась: держал кипятилок он ровно семь дней и казался вечным.

Директор шахты выдал всем премию по случаю отправки в армию. Подруга Юрки – красавица Люда – обещала ждать.

– Зря я, что ли, за тебя в вечерней школе училась? Ты теперь одиннадцать классов окончил, осталось в армии отслужить, вернуться на шахту – и всё, полноценный советский гражданин! Там уже и в ЗАГС сможешь меня позвать, – то ли шутила она, провожая его, то ли нет.

На сборный пункт военкомата призывников со всего Свердловского района привезли в шесть часов утра. Никто и не понял, с чего всё началось, но драка случилась масштабная. Юрку традиционно записали в зачинщики и посадили в КПЗ.

Спустя несколько часов за задержанными приехали «покупатели» и отвезли уже на сборный пункт в Луганск. Выглядел импровизированный взвод героически: порванная одежда, сбитые кулаки, фингалы. С чего всё началось, было предельно ясно. Парня из Червонопартизанска избили алчевские ребята. Снова Юрка, снова драка, снова камера КПЗ.

– Сынок, ты у меня в такие места поедешь, где белых медведей точно не увидишь, – высокий статный прапорщик с пышными усами рисовал для задержанного нерадужные перспективы.

Изначально направление было другое – Северный флот. Он считался элитным местом службы, попасть туда хотели многие. Но драка всё поменяла с ног на голову. Или наоборот. Новобранца Ивакина ждала погранзастава на границе с Афганистаном в районе города Термез. Добирались напрямиком через Аральское море, которое к тому времени уже высохло. Остовы кораблей высились над почвой и казались сброшенными откуда-то сверху.

Курс молодого бойца прошел незаметно. Далее – напрямиком на границу, где фланги по обе стороны от семи до пятнадцати километров. Ни тропки тебе, ни дорожки – один сплошной песок. Об асфальте и вовсе можно было забыть. После первого же дальнего похода пешим строем туда-обратно рядовой Ивакин долго не мог снять кирзовые сапоги. Казалось, ноги посажены на клей. Когда он все-таки освободил их из плена, вместо кожи увидел лохмотья, а портянки сочились кровью так, что пришлось выжимать.

Зато с питанием проблем не было. Мясом и рыбой пограничники обеспечивали себя сами – на заставе каждому в неделю полагалось два выходных дня, чтобы постирать и набраться сил после песчаных походов. Один день многие тратили как раз на охоту и рыбалку. За патроны отчета не было, а вот дичи навалом: на территории заставы располагалась часть среднеазиатского заповедника «Арал-Пайгамбар». Охотиться не хочу. Сейчас зоозащитники сознание бы потеряли от такой информации.

Рыбы в Амударье навалом, узбеки по Корану ее почему-то не ели. Зато новобранцы с удивлением обнаруживали, что бывают сомы по двести килограммов.

Юрка в свободное время добровольно уходил под командование лейтенанта Смирнова – с виду худощавого мужика, но на деле не имевшего, казалось, ни грамма жира. Одни мускулы да кости. Лейтенант сам находил книги по карате, внимательно их изучал и осваивал боевое искусство. Однажды на глазах у рядовых во время тренировки ладонью сломал два черенка лопат. Звериная сила. Оттого и Юрку не щадил, доводил до белого каления: и обучал, и испытывал на добровольце новые удары.

– Покажи живот, – наутро Смирнов подловил воспитанника после завтрака и, увидев, что весь корпус в синяках, по-отечески сказал. – Ты в следующий раз подушку возьми, подложишь, а то там приемы новые, а на тебе живого места нет. Тренировки полезны, но вот синяки твои – это не дело.

Занятия с лейтенантом уже позже дали ощутимые плоды. После армии Юрка увлекся боевым самбо. Да и в дальнейшем приемы Смирнова выручали много раз, казалось бы, в самых безвыходных ситуациях.

Во время службы Ивакина удостоили званием отличника пограничных войск первой степени. При переходе границы в сторону Афганистана он вместе с сослуживцами задержал нарушителя. Им оказался шеф-повар ресторана поезда Москва – Душанбе. В руках у того был чемодан, доверху забитый золотыми изделиями. Повязали, передали в особый отдел. Что там с ним и с золотом дальше было, никто уже не интересовался.

Тридцать первого декабря одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года в восемь вечера Ивакин прибыл в Луганск. Домой из Узбекистана добирался шесть суток. Снег стеной, автобусы не ходят, и только пара таксистов на новеньких «Волгах». Кроме сумки, в руках у Юры была авоська с двумя огромными желтыми дынями.

– Куда тебе, солдат?

– В Червонопартизанск – семьдесят пять километров отсюда.

– Довезу. Но лишь за дыню, – неожиданно выставил ценник таксист.

И хоть убей. Ни денег ему не надо, ничего.

– Я их шесть с половиной тысяч километров волок. Сдурел совсем?

– Мы все люди, солдат. Такие мои условия.

Ивакин постоял с минуту, посмотрел на валивший снег – за пару метров уже ничего не видно – и понял: по-другому сегодня домой не добраться. А где переночевать в Луганске в новогоднюю ночь – еще надо найти.

– Черт с тобой, поехали.

По дороге таксист, усаженный мужик лет за пятьдесят, всё расспрашивал про службу. Видно было: баранку крутит уже много лет, клиентов считает на раз.

– Ты специально так подгадал-то, чтобы дома сюрприз под Новый год устроить?

– Получилось так. Говорю же – шесть дней добирался с пересадками. Как вышло. Не вчера, не завтра, а именно сегодня.

– Под бой курантов! Ну, точно обрадуешь своих!

Мария Григорьевна сына, конечно же, не ждала. Тогда уже болела. Да и телеграмм Юрка никаких о своем приезде не посылал. Но, услышав машину под окном, поднялась с кресла и вышла посмотреть. На часах было около одиннадцати вечера.

Увидела, обняла сына и расплакалась.

– Проходи, Юра, а я сейчас!

Сбегала в дом, покопалась в трюмо и вернулась на улицу к таксисту, который уже собирался отъезжать.

– Вот, держите деньги! Спасибо, что довезли!

Юрка потом маму аккуратно поругал – мол, и так дыню этот хитрец выманил, еще и деньги получил.

– Ничего, сынок! Зато ты дома.

Вторую дыню съели вместе с соседями. Праздник же.

– Ну и запах, ну и сладкая, – всё восхищались они. – Там, наверное, круглый год такое объединение!

V

Толковых вариантов по работе после службы в армии у луганских парней было немного. Самый логичный – шахта. Туда Ивакин и подался. Какой-никакой опыт подобной работы у него был, потому решил освоить полноценную шахтерскую профессию: отучился на шестимесячных курсах по подготовке горнорабочих очистного забоя. Работа тяжелейшая и даже каторжная: глубина – восемьсот метров, высота ниши – чуть больше метра, орошения никакого, пыль страшная – за двадцать сантиметров ни зги не видно. Но что уж греха таить, денежно привлекательная эта профессия была, и шли туда работать, не щадя здоровья, в том числе и за длинным рублем.

– И что, сколько принес? – дня получки сына Мария Григорьевна ждала с большим интересом. Хотелось узнать, как нынче на «Красном партизане» платят.

Когда слышала цифру, округлила глаза. В месяц сын приносил домой до семисот рублей, что тогда было в разы больше средней зарплаты.

– Ивакин, тебя к телефону, – позвали шахтера коллеги, когда он только закончил с очередной нишей и готовился ехать в клетки на выход. – Начальник участка зовет зачем-то.

Такие звонки не сулили ничего хорошего. Обычно до работы на глубину дозванивались, если на земле случилось что-то из ряда вон – с родней или еще что. В последний раз такой звонок поступал, когда у грозовца дом горел...

– Ивакин, как поднимешься-помоешься, не спеши уходить. Разговор к тебе, — сказал начальник участка и повесил трубку.

Сказано – сделано. Помылся, переоделся, вышел. В холле сидел милиционер. Увидев Ивакина, поднялся и шагнул навстречу.

– Старший лейтенант Добарин. У нас к вам есть разговор.

Это был худой невысокий лысый мужчина лет за сорок. По возрасту и не скажешь, что старший лейтенант – погоны к таким годам обычно поважнее.

Тут Ивакин начал быстро соображать, не натворил ли чего в прошедшие выходные: «Вроде нет. Матери помогал на участке – все-таки апрель на дворе, работы черновой много. Что еще? Драки точно не было, разве что соседа грубо послал, когда тот посреди ночи голосил на всю улицу пьяный. Но это-то не преступление. Хотя... Точно, неделю назад в ухо дал

одному наглому, но не сильно вроде. Да и парень тот смирный оказался – сразу успокоился, руки пожали и разошлись».

– Юрий Владимирович, всё верно? – спросил нежданный гость и, услышав «угу», сказал: – У нас тут есть комсомольская путевка – мы вас приглашаем на работу в милицию.

Ивакин секунд пять переваривал, а потом неожиданно для себя в голос засмеялся.

– Это вы, товарищ старший лейтенант, шутите так, да? Где я и где милиция? Вы бы хоть почитали про меня, у коллег своих поспрашивали о моем поведении.

Ивакин был в недоумении, предложение застало его врасплох. Не бывает такого в жизни.

– Я вас, Юрий Владимирович, с ответом не тороплю. Но дело мы ваше посмотрели: среднее образование у вас есть, служба в армии за плечами, характеристика от командиров идеальная. Нам такие парни нужны. Причем сразу берем вас на офицерскую должность и присваиваем звание «старшина».

– Ну уж нет, спасибо, конечно, но пойду я. Дай вам бог здоровья, – Ивакин протянул руку и, крепко пожав ладонь Добарина, отправился домой.

«Чего только не бывает на свете – я милиционер. Чушь какая-то. Я от них бегал до армии, собачился каждые выходные на танцах, объяснительные пачками писал в участке, а теперь что – сам таких же ловить буду? Смех, да и только!» – думал он, шагая к Люде.

Люда слово свое сдержала: из армии дождалась и приняла предложение. Не ходила последние два месяца, а летала как бабочка – счастливая и влюбленная до безумия.

– Переводом из шахты в милицию? По комсомольской путевке? И отказался? Какой вы тупой молодой человек! Людка, иди сюда! Не пойдешь ты за него – он у тебя недалекий совсем! – будущий тесть негодовал. Сам отработал тридцать пять лет в шахте и понимал: может, деньги и приносил, да здоровье теперь не купить на них. – Молодой человек, это ваш шанс другую жизнь начать, а в шахту вы всегда успеете. Они здесь были, есть и будут всегда. Еще праправнуки ваши при желании смогут там работать.

Юра не спал всю ночь. Вертелся, думал и над словами старшего лейтенанта, и над тем, что сказал отец Люды.

«А ведь и правда – что я теряю? Ну, поработаю месяц – не понравится, так же переводом вернусь в шахту, стаж не прервется. С другой-то стороны, парни что подумают мои? Это же как из волка, что овечье стадо караулит в своих кровожадных интересах, в сторожевого пса переквалифицироваться. Хотя нет, какой же я волк – не вор и не преступник же. Закон не нарушаю. Ну, машу кулаками, бывает – так за дело всегда, не просто же».

Под утро решил согласиться на предложение Добарина.

В этот день по графику вторая смена – с полудня. Надо было чем-то себя занять. Юрка заварил крепкий черный чай, сделал бутерброд из белого пышного хлеба с маслом и занялся ревизией книжной полки. Хотелось найти что-то про милицию, про погони, про поимку преступников. Но ничего подобного там не оказалось.

Ивакин достал какой-то том собраний сочинений Ленина и, пока завтракал, гадал, задавая вопросы и называя случайный номер страницы и строку. Это они с Людой так развлекались еще до армии, когда он, а точнее, она, за него делала все домашние задания и оканчивала его вечернюю школу. Правда, тогда ребята гадали по стихам классиков. Сейчас же по этой книжке, оказавшейся тридцать третьим томом, ничего толкового не выходило. На вопрос «Правильно ли я решил уйти из шахтеров в милиционеры?» «Ленин» дал такой ответ: «Фальшивыми ссылками на Энгельса ревизионисты стремились прикрыть свое отступничество от марксизма и свои нападки на его революционные принципы». Страница триста шестьдесят девять, шестая строчка снизу.

Бутерброд съеден, чай выпит, книга закрыта. Пора собираться на смену. Уже на пороге парень предпринял еще одну попытку получить ответ. Девяносто девятая страница и шестая строчка сверху. «Это может казаться парадоксом или просто диалектической игрой ума...».

«А ведь и правда, – подумал Юрка, – это же парадокс. И зарплата там, небось, рублей двести – в пять раз меньше, чем в шахте. А у нас свадьба скоро, дети пойдут. Ерунда какая-то...»

На проходной Юрке передали: его ждут в кабинете начальника участка. Там, кроме Добарина, было еще три шахтера – молодые крепкие парни. Было очевидно, что им поступило аналогичное предложение перейти на работу в милицию.

– Только вас ждем, Ивакин, – сказал старший лейтенант. – Что надумали?

– Вы знаете, поговорил с родней... Можно попробовать.

– Я через полчаса еду в Свердловский ГРОВД. Вы все со мной. На улице рафик стоит, можете грузиться.

Перевод занял всего несколько дней – сдать дела на шахте и оформиться в кадрах в Свердловске. Выдали новую форму и к ней погоны старшины: «С завтрашнего дня, Ивакин, можете приступить к работе».

Это была середина апреля тысяча девятьсот семьдесят пятого года,

Старшина Ивакин заступил на службу участковым инспектором милиции в поселок шахты № 1-2 имени Свердлова – в простонародье поселок «Одиндва», что в семи километрах от Червонопартизанска. Там была одна из самых преступных точек в районе. В первый рабочий день Юра вышел из дома и столкнулся с друзьями. Те, фигурально выражаясь, были ошарашены.

– Юрец, ты обалдел совсем?

– Юра, ты зачем это?

– Юрок, ты за нами пришел?

Парни не знали, что сказать, – то ли возмущаться, то ли подкалывать. Замешательство вызывало и то, что перед ними был хоть и друг в милицейской форме, но еще и при исполнении. Все их проделки он знал, обо всех кражах и мелких грабежах они сами ему рассказывали с гордостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.